

СЕРГЕЙ СЕРИКОВ

ЗАКЛИНАТЕЛЬ
В ПОГОНАХ

18+

Сергей Сериков

Заклинатель в погонах

Серия «заклинатель в погонах», книга 1

<https://litres.ru/73924431>

SelfPub; 2026

Аннотация

Подмосковье, 90-е. Время малиновых пиджаков и блестящих "Мерседесов", время, когда рушится старый мир, а новый еще не обрел своих очертаний. Время тотального дефицита, когда за заветной колбасой выстраиваются очереди, а в воздухе витает предчувствие перемен. В этом бурлящем котле, в стенах скромного районного отдела милиции, служит оперуполномоченный, лейтенант Мальцев. Но однажды, в его тело, словно по воле неведомых сил, вселяется Аш-Шарим – древнейший маг, чьи корни уходят в глубины забытых эпох и далеких, фэнтезийных миров.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Сериков

Заклинатель в погонах

Глава

Заклинатель в погонах.

Тьма не хотела отпускать. Она была вязкой, теплой и пахла ржавчиной, смешанной с дешевым портвейном и отчаянием.

Маг пятого круга Аш-Шарим, Повелитель Молний и Хранитель Ключа от Врат Нараама, умирал в собственном мире, пронзенный отравленным клинком наемного убийцы. Он успел выкрикнуть заклинание Перехода — сложнейшее плетение, которое должно было забросить его душу в подготовленное тело на окраинах его мира. Но яд уже туманил разум, в плетение вкралась ошибка, и вместо молодого наемника его сознание, пробив ткань мироздания, рухнуло в липкую, смердящую перегаром воду.

Первое, что ощутил маг — тошнотворный запах и то, что он захлебывается. Легкие горели. Тело было чужим, непослушным, словно мешок с костями, неуклюже барахталось в мыльной воде. Инстинкт выживания сработал раньше разума. Рывок! Голова с грохотом врезалась в чугунный край ванной, из рассеченной брови хлынула кровь, но он вдохнул.

Вдохнул спертый воздух маленькой, замызганной комнаты, пропитанный табачным дымом и кислым запахом непросохшей одежды.

Руки, чужие, бледные, с наколкой «Витя» на запястье, вцепились в края ванной. Он вывалился на грязный кафельный пол, больно ударившись коленями. Тело сотрясала крупная дрожь. Рядом на полу сиротливо валялась пустая бутылка из-под «Агдама» и переполненная окурками пепельница.

— Демоны бездны — прохрипел он, и собственный голос показался чужим, низким, с какими-то блатными интонациями.

И тут началось.

В мозг, в пустоту, оставленную ушедшим хозяином, хлынул поток чужой жизни. Это было похоже на чтение разорванного, грязного свитка. Обрывки воспоминаний, образы, запахи, боль, злость. Лейтенант милиции. Виктор Павлович Мальцев. Двадцать шесть лет. Неделя отпуска. Догуливал.

Перед глазами встала смазливая девица с начесом и в ярком, как попугай, трикотажном костюме «а-ля спортивный шик». Ленка. Продавщица из круглосуточной палатки «Продукты 24».

Зазноба. Вспыхнула сцена ссоры: ее визгливый голос:

— Ты, Витька, пустое место! И на работе, и по жизни, что ты можешь?!

Его мат, хлопанье дверью в обшарпанной хрущевке. По-

том палатка, еще портвейна «в долг», помятый мужик в кепке:

— Чё, Ленка опять мозг вынесла?».

Аш-Шарим схватился за гудящую голову. Память лейтенанта была хаотичной, как подборка новостей.

Красная «копейка», ВАЗ-2101, вечно глохнущая на перекрестках. Табельный ПМ в сейфе, который он забывал чистить. И главное — завтра на службу.

Маг, в теле лейтенанта Мальцева, рывком поднялся, глянул в мутное зеркало на стене. Оттуда смотрело помятое лицо с трехдневной щетиной, красными глазами и свежей ссадиной на лбу. Худощавое, жилистое тело.

— Пятый круг, Повелитель Молний, — горько усмехнулся он, вытирая кровь. — В теле алкоголика, который умудрился утонуть в собственной ванной. Эффектно.

Он попытался применить простейшее заклинание малого исцеления. Кончики пальцев едва заметно запульсировали теплом. Ссадина на лбу затянулась тонкой корочкой. Магический фон этого мира был удручающе слаб, энергия едва сочилась, словно вода из засоренного крана. От силы одно-два примитивных заклятия в день, не больше. Зато память подсказала самое страшное из того, что ждало его завтра.

Козин. Капитан Козин, начальник отдела уголовного розыска.

В мозгу всплыл образ грузного, с бычьей шеей мужчины в

мятом ките. Его багровое лицо и срывающийся на фальцет бас:

— Мальцев! Ты у меня год работаешь, а раскрываемость — ноль! По городу сплошные грабежи, а ты портвейн жрать горазд! Завтра получишь у меня в тук, будешь на дежурстве землю рыть, пока не выдашь результат!

В тук — это было не фигуральное выражение. Капитан был мужиком простым, тяжелым на руку и на расправу.

Зазвонил телефон — тяжелый, черный, дисковый аппарат на тумбочке. Мальцев снял трубку, сразу поморщившись — даже телефонная трубка в этой реальности пахла уксусом и дешевым табаком.

— Алло, — сказал он, привыкая к новому голосу.

— Витя, ну ты это, извини, — голос Ленки в трубке звучал виновато, но с наездом. — Погорячилась. Но ты и сам дурак. Завтра зайдешь после смены, творог сметану привезут, я отложу. И это... ты мужик или где? Деньги давай, а то с этой зарплаты всё до копейки на шмотки потратила, а мне за квартиру платить...ты же обещал!

— У тебя есть творог, — произнес Аш-Шарим бесцветным голосом. — И сметана. У меня — завтра капитан Козин.

— Да ну тебя с твоим Козиным! — фыркнула Ленка. — Козел он, а не капитан. Ну так придешь?

— Прощай, женщина, — сказал он и положил трубку. С этим миром, полным опасностей в виде капитана Козина и Ленкиного творога, нужно было разбираться постепенно.

Утро встретило его ясным небом, и ветром, гонявшим по асфальту пыль и тополиный пух. Подмосковный город Кубинск просыпался тяжело и неохотно. Из окна хрущевки открывался вид на проспект Строителей — широкую магистраль, застроенную панельными девятиэтажками с редкими вкраплениями «сталинок». Трамваи, лязгая, ползли по ржавым рельсам, обдавая остановки с бабушками запахом горелой проводки. У продовольственного магазина с пустыми витринами уже выстроилась классическая очередь «за молоком», хотя на самом деле «выбросили» растворимый кофе — слух пронесся по городу с рассветом.

Мальцев, морщась от головной боли, натянул на себя мягкие брюки, несвежую рубашку и потертую кожаную куртку, купленную когда-то по блату у кооператоров. Удостоверение с красной корочкой оттягивало внутренний карман. Маг из другого мира, он чувствовал себя ряженным на нелепом маскараде.

Его красная «копейка», место которой было в музее, стояла во дворе, подперев бампером чахлый тополь. Кузов был покрыт «жучками» ржавчины, крыло блестело свежей, не подкрашенной вмятиной — память о пьяной поездке на озеро.

— Классно мы два дня назад оторвались на озере — вспомнилось всё ярко и смачно.

Стоял июль, духота и тишина. Вчетвером: он, Ленка, Серега Лисичкин из ОБХСС с Веркой, продавщицей из обувно-

го (ноги у нее — отдельная песня). Набрали овощей, фруктов, пять «Столичной», шашлыка — килограмм шесть, и ло- манулись на озеро. Солнце, сосны, тёплая вода и всё такое.

Сереге, двухметровый детинушка с лицом, суровым, мужественным и добрыми глазами убийцы как в американских боевиках, сидел на корточках у мангала, крутил вертел шам- пур.

— Витек, — рявкнул он басом, от которого бутылки зве- нели. — Ты опер или где? Наливай давай, шашлык уже го- тов!

Ленка хохотала, плескалась в воде, Верка песни орала под гитару. Потом трещала кассета в потрепанном магнитофо- не «Сонька», пили водку из граненых стаканов, закусывали помидором поедали шашлык при чем из барашка, которого Сереге подогнал мясник Гурген с городского рынка. Только расслабились, девчонки разлеглись позагорать, а Мальцев с Серым пошли отлить в кусты.

И тут приехали...Трое, шелупонь датая. Куртки кожаные на молниях майки боксёрки, цепочки, стрижки «полубокс», глаза — как прицелы. Приперлись, встали напротив деву- шек.

— Чё, девки, скучаете? — первый, рябой, щерится. — Да- вай к нам в «Мерседес», мы вам шампанского дадим, а вы нам, только не шампанского. Га га га!

Ленка отшатнулась, Верка побледнела.

— Слышь, длинноногая — рябой продолжает, пальцем в

сторону Верки тычет. — Тебе красиво сказали. Щас по-плохому будет.

И тут Виктор с Серегой вышли из кустов.

— Эй, бойцы, — взгляд у Серёги ласковый такой, масляный. Прямо как у удава перед кроликом. — Вы по какому вопросу?

Ответить братки не успели, дальше был мордобой короткий, но качественный.

Первого Серый снял «подсечкой» — тот сухим листом улетел в лопухи. Второй попытался достать кастетом — наскочил на кулак величиной с бетонный блок. Браток всхрапнул, осел на корточки, потом опрокинулся на спину, утомлённо закрыл глаза.

Третий, самый умный, уже разворачивался бежать, но Серега настиг в два шага, схватил за шкуру, поднял как кота, который нагадил на хозяйский тапок, затем приложил его лбом о багажник «Мерса» и положил тело у заднего колеса.

— Пацаны, — сказал Лисичкин, не повышая тона. — Вы были неправы. Признаёте?

После небольшой паузы, когда первый браток пытался выплюнуть песок, а второй — приставить нос на место, они синхронно закивали.

— Чисто конкретно неправы, — прохрипел рябой. — Солян, командир. Не признали.

В «Мерседес» они загрузились быстро, без лишних слов, газанули так, что дымом заволокло.

Серый сплюнул, поправил майку на груди, сел на пенек. — Ленка, наливай. Верка, поцелуй — для профилактики. Вот так и гуляли.

Вернувшись в реальность, Мальцев, чертыхаясь, завел двигатель с пятой попытки. Мотор чихнул, затарахтел, наполнив салон запахом бензина.

Путь до РОВД лежал через центр. Машина, дребезжа всем кузовом, катила мимо городского рынка — шумного, грязного, где мешочники торговали всякой всячиной, а кавказцы в кепках-аэродромах скупали дефицит. У кинотеатра «Октябрь» висела афиша фильма «Волкодав», а чуть дальше, у пивного ларька, уже толпилась очередь с кружками и бидонами. Запахи выхлопных газов, мокрого асфальта и пирожков с ливером из ларька создавали неповторимый аромат Кубинска.

РОВД, трехэтажное здание сталинской постройки, встретило его запахом хлорки, казенных чернил и табака. Мальцев поднялся на второй этаж, в отдел уголовного розыска. В тесном кабинете, за столом, заваленным папками с надписью «Дело», уже сидел капитан Козин. Лицо его было багровым — не то от духоты, не то от вечной злости на жизнь и на своих раздолбаев-оперов.

— А, Мальцев! — рявкнул он, не поднимая глаз от какой-то бумаги. — Явился, не запылится. Выглядишь, как будто тебя всю ночь кошки драли, а потом скинули с девятого этажа. Небось, опять со своей продавщицей бухал?

— Никак нет, товарищ капитан, — отработовал Мальцев, стараясь говорить четко. — Просто спал плохо.

— Плохо он спал! — Козин поднял голову, его маленькие глазки-буравчики ощупали Мальцева с головы до ног. — Ты, лейтенант, год как спишь плохо, а преступления — хорошо. Им твой сон не мешает. Вчера ночью обувной магазин «Богатырь» на улице Партизанской взяли. Чисто взяли, грамотно. Вынесли почти всю партию импортных кроссовок. Ущерб — двадцать тысяч советских рублей! Для города это ЧП. Начальство меня с утра на ковре держало за фаберже.

— Так что, Мальцев, получай... — Козин встал, грозно нависнув над лейтенантом, но бить не стал. Ограничился грозным тычком указательного пальца, размером с сардельку, в грудь. — ...в тык. И задание. Бери дежурную группу, выезжай на место. И чтобы к вечеру у меня на столе лежал рапорт о раскрытии. Иначе я тебя в патрульно-постовую службу переведу! В самый злачный квадрат, к бомжам на вокзал. Всё! Вон с глаз моих!

Выехали на стареньком, пропахшем бензином УАЗике. Эксперт-криминалист, пожилой, уставший от жизни прапорщик, тихо дремал в углу. Водитель травил анекдоты про Брежнева.

Магазин «Богатырь» представлял собой печальное зрелище. Стеклянная витрина, еще недавно украшенная гипсовыми сапогами и плакатом «Носите обувь советских фабрик!», была аккуратно вырезана стеклорезом. Внутри царил хаос

— пустые коробки, разбросанные шнурки, одиноко стоящая на полке галоша.

Заведующая, дородная женщина в парике, заламывала руки перед участковым и следователем старлеем Юлечкой Селивановой, красоткой и занудой. Она коротко кивнула Виктору и повернулась к директрисе, которая запричитала:

— Всё подчистую! А кроссовки эти, «Адидас», они ж как валюта! На них всё что хочешь выменять можно! Ой, что теперь будет!

Мальцев оглядел помещение. Обычными методами тут было не взять. Следов нет, свидетелей нет. Но он — не обычный опер. Он — Аш-Шарим, Повелитель Молний. И пусть магии здесь — с гулькин нос, на самое примитивное заклинание хватит. И если так уж случилось что он оказался в этом мире нужно адаптироваться, работа опером как понял маг ничуть не хуже других профессий, а принадлежность к власти делает ее приоритетной.

— Что же, лейтенант — обратился к себе мысленно Аш-Шарим — нужно зарабатывать авторитет, тычки капитана мне не нужны.

Он отошел в угол, сделав вид, что изучает след на полу. Закрыв глаза, сосредоточился. Для любого поискового заклятия нужна была ниточка, след ауры. Опер поискал глазами — и нашел. На обломанном гвозде, на который вешали сапог, вилась тончайшая, почти невидимая аура — паутина чужой жадности и страха. Остаточная эмоция, которая в

этом мире, лишенном магии, рассеивалась очень медленно.

Виктор нашептал простейшее поисковое заклинание «Путеводная Нить», вложив в него почти весь свой дневной резерв. Перед его внутренним взором нить засветилась, натянулась и, словно стрелка компаса, указала направление.

— Товарищ лейтенант, глухо дело, — сказал участковый, вытирая пот со лба и которому надоело слышать причитания директора магазина. — Почерк не местный. Может, гастролеры?

— Нет, — ответил Мальцев, выходя на улицу. — Наши. И далеко не ушли.

Путеводная Нить вела его дворами, мимо покосившихся сараев и сохнувшего на веревках белья. Запах жареной картошки мешался с запахом кошачьей мочи. Нить становилась все ярче, толще, пульсировала.

— Украли, значит, — бубнил Мальцев, лавируя между грязными «Жигулями» и детской песочницей, — а продать еще не успели. Сидят, как крысы в норе, перебирают добычу. Жадность застит глаза.

Нить привела его к подвалу обычной пятиэтажки через два квартала от магазина. Тяжелая, обитая дерматином дверь. Участковый, запыхавшись, подбежал за ним.

— Это котельная, — пояснил он. — Там с кочегарами, сантехники тусуются. Васька Косинов и Серега Утюг. Но они же алкаши, лейтенант, неспособны они...

— Способны, — оборвал его Мальцев. Он чувствовал ау-

ру ликования за дверью.

Дверь открылась без шума. Вниз вели темные, влажные ступени. Из котельной слышался гул котлов и довольные голоса:

— Слышь, Косой, это ж золото, а не кроссовки! За такую пару можно два ящика водки купить! А эти, красные, — вообще на джинсы махнем!

— Тише ты, Утюг, услышат...

Мальцев спустился вниз, участковый с опаской за ним. В углу, освещенном тусклой лампочкой, двое небритых мужиков в промасленных спецовках, далекие от образа «крутых грабителей», сидели на перевернутых ящиках и перебирали коробки с импортными кроссовками. «Адидас». Их глаза горели алчным, щенячьим восторгом.

— Ну, здравствуй, Утюг, — тихо сказал Мальцев, подходя ближе. Его чужая память услужливо подсказывала блатной жаргон. — Здравствуй, Косой. Хороший улов. А главное, тихо сработали. Вы бы еще адрес на магазине мелом написали: «Крали Вася и Сережа, спрашивать в котельной».

Мужики подскочили, одна коробка с грохотом упала, рассыпав по полу белоснежные кроссовки. Лица побелели. Косой, заикаясь, прохрипел:

— Н-начальник... да мы это... тут... найти хотели... кто ж это сделал? Хулиганье!

Мальцев вспомнил: ровно год назад, когда он только появился в отделе, этот магазин уже грабили. Сам он тогда хо-

дил не в операх — лишь стажёром. Но память у него была отменная. Он чётко помнил, что в подсобке нашли пару угольных следов, но тогда им не придали значения. Теперь же всё вставало на свои места.

Он не врал. Старая память лейтенанта, словно механизм, смазанный машинным маслом, включилась безотказно, выкладывая факт за фактом.

— Оформляй, Иваныч, — бросил он участковому, разворачиваясь. — Я в отдел.

Через час красная «копейка», весело тарахтя, подкатила к ларьку. Ленка, увидев знакомую машину, подкрасила губы и выплыла на порог, картинно скрестив руки на груди.

— Явился, пропащая душа? Творог уже продала. И сметану. Ты как всегда — поздно.

Мальцев вышел из машины, хлопнув тяжелой дверцей. В руке он держал не цветы, а какую-то картонную коробку.

— Я раскрыл ограбление обувного магазина, — сказал он будничным тоном.

Ленка поперхнулась очередной колкостью, ее красивые накрашенные глаза удивленно расширились.

— Врешь! Ты? За год — ни одного, а тут...

— Не вру, — он протянул ей коробку. Оттуда выглядывали импортные, фиолетово-розовые кроссовки «Адидас», переливающиеся в свете витрины, как сокровище Али-Бабы.

Вещдоки он, конечно, переписал все до одной пары, но одну коробку эксперт, качавший головой от такой скорости

раскрываемости, «случайно» не заметил.

— Держи. Размер твой. Будешь самой модной продавщицей в Кубинске.

Ленка ахнула, схватила коробку, как величайшую драгоценность. Вся ее спесь мгновенно улетучилась. Она смотрела на Мальцева новыми, полными уважения и женского восторга глазами.

— Витенька... ну ты даешь! Может, зайдешь? Пошутила я. У меня и творог остался. И сметана. А может, еще чего послаще найдешь? — игриво прошептала она.

— Это, вечером, — с ленцой ответил Аш-Шарим, Повелитель Молний, а теперь просто лейтенант Мальцев, садясь обратно в свою дребезжащую «копейку». — Мне еще Козину рапорт писать. Он обещал в тык дать, если не раскрою. А я, знаешь ли, не люблю, когда мне дают в тык.

Машина, рыкнув глушителем, выехала на проспект Строителей. Город Кубинск жил своей вечерней жизнью — в очередях за хлебом шумели, из открытых окон неслась песня «Белые розы», подростки гоняли мяч. Самая обычная жизнь самой обычной, умирающей империи. Но для мага, запертого в теле мента, здесь было одно неоспоримое преимущество — скучно не будет. Определенно, скучно не будет.

«Копейка» Виктора встала в жирную тень каштана, будто влитая. Двигатель чихнул и затих. Мальцев хлопнул дверцей — жестянка отозвалась знакомым дребезгом — и двинул к дверям ГОВД, не оглядываясь. Жара плавил асфальт, лист

на каштане висел без движения.

В комнате пахло пылью, застоялым табачным духом и лежалой бумагой. Старлей Лёха Васильченко сидел, развалясь, являя миру помятое лицо человека, который давно не удивляется ничему, но честно пытается.

— Здоров, Витёк, — бросил он, не меняя позы. — Ты откуда такой скорый? Еще и двух часов не прошло.

Кадык его дернулся.

— Юрич рвет и мечет. Злой, как цепной кобель после пинка. Не попадайся ему на глаза — за сегодняшний ночной грабеж вздрючили. А ещё и висяк старый вспомнили и то же в этом обувном магазине.

— Я уже с адреса, — Мальцев стянул с плеча ремень сумки, кинул на стул. — Дело раскрыто. Годовалой давности эпизод. И сегодняшний туда же.

— Нормуль. А кто следак?

— А, Юлька Селиванова — отмахнулся Виктор — только она всё больше с директрисой ворковала, не дождался поручения не стал её отвлекать, и приступил к осмотру, как видишь очень удачно.

Лёха аж подобрался. Хмыкнул, полез в ящик стола. Явил на свет литровую бутылку с яркой этикеткой — «Херши Кола». Свинтил пробку, плеснул в стакан. Жидкость падала густо, нехотя. Запрокинул, хлебнул, и лицо его на миг свернулось в гримасу брезгливого младенца.

— Тьфу, зараза «Херши кола-вкус победы» — выдохнул

он с чувством. — Сладкая, как сироп от кашля. Тебе капнуть? Ну, колись давай. Как тебе удалось-то?

Мальцев глянул искоса. Только уголок рта дрогнул.

— Секрет фирмы, дружище.

— Ладно, — Лёха отставил стакан, ухмыльнулся широко, простодушно скаля зубы. — Уговорил. Не хочешь — не надо. В рапорте все едино прочитаем. — И заржал, как конь.

Дверь влетела, ударив ручкой в стену. Не вошел — ввалился капитан Козин, глыба, кирпичного цвета в пропотевшем кителе, завис в дверном проёме. Глаза остановились на Мальцеве. Выдох шумный, будто у свай, которую забили не туда.

— Мальцев! — рявкнуло так, что окна звякнули. — Твою мать! Опять балду пинаешь? Я тебе что сказал делать? Что, волшебную палочку гаишника захотел? Я устрою.

Капитан грузно двинул к своему столу, продавливая пространство. Мебель крякнула, принимая тушу. Пальцы — толстые, с въевшейся каймой под ногтями — выудили из кармана брюк платок. Не очень-то чистый. Он провел им по лбу, собирая испарину мокрым ситцем. Тяжело дышал, остывая.

Мальцев стоял ровно. Голос бесцветный, как у автомата, но с правильной, холодной вежливостью:

— Все нормально, Андрей Юрьевич. Дело раскрыто. Пишу рапорт. Через час будет у вас на столе.

Капитан откинулся на спинку стула, и та жалобно скрип-

нула, принимая его немалый вес. Сквозь прищуренные веки он изучал Мальцева, словно музейный экспонат — с ленивым, но цепким любопытством. Толстые пальцы сомкнулись на горлышке графина. Вода с мягким бульканьем наполнила полстакана. Капитан выпил, не торопясь, смакуя каждый глоток, будто дорогой коньяк, а затем поставил стакан на стол с глухим стуком.

— Значит так, Витя, — голос его звучал вкрадчиво, почти ласково. — Очень надеюсь, что ты не шутишь. Или как там нынче у вас, у молодежи, говорят? Не прикалываешься?

Мальцев открыл было рот, чтобы ответить, но договорить капитану не дала сама Судьба, принявшая облик тяжелой двери. Она распахнулась с тем же пронзительным, бесцеремонным скрипом, что неизменно возвещал о появлении начальника отдела. Но на пороге стояла не грузная фигура шефа. В кабинет ураганом ворвалась следователь Юля. Её щеки пылали праведным гневом пополам с профессиональным азартом.

— Витя! Какого черта тут у вас?! — на едином дыхании выпалила она, но тут взгляд её споткнулся о фигуру Андрей Юрьевича. — Ой

И осеклась, словно наткнувшись на невидимую стену.

Капитан мгновенно преобразился. Взгляд потеплел, в голос зазвучали елейные нотки умудренного жизнью кота:

— Юлечка, солнышко, проходи, присаживайся. Ну-ка, поведай нам, что опять натворил этот наш раздоболтус?

— Да какое там натворил, Андрей Юрьевич! — вновь взорвалась Юля, игнорируя предложенный стул. — Он не натворил! Он... он... Пока я там битый час снимала показания с директрисы, ловила каждое её слово, записывала всё на диктофон, наш тихоня взял — и дело раскрыл! Просто взял и раскрыл!

На лице капитана, словно утренний туман, проступило искреннее недоумение. Он машинально налил себе еще полстакана, сделал основательный глоток и поставил стакан с той осторожностью, с какой ставят хрупкую вазу. В кабинете повисла звенящая пауза.

— Юль, ну ты это... — начал он неуверенно. — Может, ты путаешь чего? Жара, духота...Июль. Как так-то?

Юля наконец присела на краешек стула у стола Андрей Юрьевича. Казалось, она разом обессилела после всплеска эмоций. Голос её зазвучал спокойно и даже как-то буднично, словно она докладывала о результатах плановой проверки.

— Да нет, Андрей Юрьевич, ничего я не путаю. Раскололись задержанные наши. По полной программе. И по прошлогоднему эпизоду с магазином, и по сегодняшнему делу. Вот так-то.

Она резко встала, поправила китель и бросила короткий взгляд на Мальцева. В этом взгляде смешалось всё: профессиональное уважение, женское любопытство и капелька зависти.

— Ну, Витёк... ты даёшь, — только и выдохнула она, мах-

нула рукой, словно ставя на этом точку в бессмысленных вопросах, и вышла из кабинета, оставив за собой лишь легкий аромат духов.

Андрей Юрьевич откинулся на спинку стула, и та жалобно скрипнула, принимая грузное тело. Пальцы сами нырнули в карман брюк, извлекли смятую пачку «Кэмела». Щелчок — и сигарета выскочила на треть, как патрон из обоймы. Он прикурил от одноразовой зажигалки, пламя лизнуло табак, и кабинет наполнился первой, самой густой струйкой дыма. Капитан пустил ее тонко, сложив губы трубочкой, и сквозь сизую завесу посмотрел на Мальцева.

— Ну-ка, Витя, удиви. — Голос его прозвучал мягко, но взгляд оставался цепким. — Расскажи, как ты раскрыл этот двойной висяк. И убеди меня, будто это сделал именно ты.

Мальцев не спешил. Он сел за свой стол — маленький, захламлённый, стоящий напортив массивного капитанского. Пальцы привычно дёрнули ящик: тот выехал с глухим стуком. Внутри лежала помятая пачка «LM». Он вытащил сигарету, с хрустом сжал фильтр, поднёс к носу. Сладковато-химический запах пропитал ноздри. Он поморщился и сунул сигарету обратно.

Маг Аш-Шарим никогда не курил в своём мире даже укрепляющих благовоний. И теперь с изумлением наблюдал, как в этом мире люди охотно покупают ядовитые травы — сигареты, убивая себя и нанося вред окружающим, тратят немалые деньги и порой простаивая ради этой отравы в

длинных очередях.

Он усмехнулся краем рта:

— Да всё просто, Андрей Юрьевич. Все вокруг орали про загадку века, а я просто смотрел. Двери — стальные, окна подсобок — под сигнализацией, мышь не пробежит — взвонит сирена. Они искали сложные схемы. А я искал, где схема дала трещину. Трещина была в витрине. Знаете, та широкая, рекламная, где стояли эти дурацкие гипсовые сапоги. Она вся светила лампочками, ярко, как новогодняя елка. И на ней — ни одного датчика на разбитие. Ни единого.

Он помолчал, давая капитану оценить этот абсурд

— Естественно, они вошли там, — продолжил Мальцев, и в голосе его прорезалась холодная уверенность. — Ночь, пустота, все спят. Подходят, присасывают вантузы и вырезают кусок стекла, как циркулем. Чисто, без звона. Кулибины, мать их. Вскрыли проход и тихо, как мыши в сыр, вползли в зал. И тут началось представление. В спешке, кто-то из них, неуклюжий, махнул то ли башкой, то ли плечом. Трах! Гипсовый сапог слетел и разбился вдребезги. Они замерли, испугались. И этот «слон в посудной лавке» видно хотел достать платок, чтобы кровь утереть или пот. Сунул руку в карман, а вместе с платком вытряхнул всякую дрянь.

Мальцев прищурился, вспоминая крошки на белоснежной витрине и продолжил:

— Угольная крошка. Обычный, скучный, грязный уголь, которым топят котельные. Я просто сложил два и два. Отку-

да у чистого «домушника» угольная пыль в кармане? Да с работы. Определил адрес ближайшей котельной, той самой, что чадит в соседней пятиэтажке. Туда и наведались. Они, голубчики, даже товар не скинули.

Он снова посмотрел прямо в глаза Андрею Юрьевичу, и в этом взгляде не было вызова, только спокойная сила человека, сделавшего работу. Но, помня субординацию, он вдруг улыбнулся открыто и развел руками:

— А так Конечно, повезло. Просто повезло заметить то, что они так старательно пытались не унести на подошвах.

— Ну, Витя... — Капитан затянулся так, что кончик сигареты вспыхнул злым оранжевым глазом, осветив глубокие складки у рта. Он выдохнул дым не в потолок, а куда-то в угол, словно выплевывая накопившуюся за день горечь. — Уел. Не ожидал. Признаю.

Он еще раз взглянул на него, уже без начальственной тяжести во взгляде, а с каким-то новым, исследовательским интересом, будто увидел не привычного исполнителя, а шка-тулку с двойным дном.

— Ладно, черт с тобой, оформляй бумаги, — махнул он рукой, разгоняя дым. — Пойду наверх, буду слезно молить, чтобы с меня сняли все шиздюли, которые мне с утра потечески навешали.

Он криво усмехнулся, и Мальцев понял: оценил. Не только результат, но и то, как он его преподнес. Что ж, приятно. Виктор управился с непривычки за час ровно. Бумага легла

ровно, формулировки — как лезвие, не подкопаешься. Не забыл отметить о поручении следователя на осмотр витрины, помедлив секунду, вывел Юлину фамилию.

Зачем? А черт его знает. Можно было и себя подать, геройствовать любят все, у кого мозгов меньше, чем амбиций. Но Юля... У нее глаза такого редкого голубого оттенка, какой в природе бывает только ранним утром над озером. И, что важнее, память у нее отличная. Зачем рубить сук, на котором, возможно, завтра придется сидеть в обнимку с этой самой симпатичной девушкой?

Нет, Виктор дураком не был. Себе дороже. Пусть начальство тешит себя мыслью, что он альтруист. Так спокойнее. Репутация — та же валюта, только курс у неё плавающий. И теперь имеет смысл заняться её повышением.

Мальцев закончил с документами. Один. Капитан всё ещё торчал у начальства. Лёха сорвался пятнадцать минут назад. На ходу крикнул, чтобы подтягивался. Мол, ждать не будет. Обед — святое.

Побежал он в «Ромашку». Заведение с немудрёным названием, зато проверенное. Там вечно тёрлись опера и следки. Шумно, дым коромыслом, но весело. И цены не кусались. Хозяин — Гиви, здоровенный грузин. Брат его когда-то крепко задолжал одному следователю, и теперь Гиви кормил нас почти бесплатно. Мы этим пользовались. Бессовестно и с аппетитом.

Братки туда не совались. Почти. Один раз появились, и

тот случай запомнили. С тех пор — идиллия. Полная и нерушимая.

Перед самым выходом Мальцев задержался у стеллажа. Смотрел корешки, пробежал глазами названия. Выбирал не для развлечения — для дела. Для роста. Для броска наверх. Положил на свой стол «Судебная психология», «Криминология», «Судебная экспертиза», дал себе задание после обеда разобрать срач на столе и пролистать книги. За те столетия, которые провел Маг пятого круга Аш-Шарим в своём мире постоянно совершенствуясь, стал обладать идеальной памятью. Теперь достаточно пролистать разок, книгу или свиток — и знания остаются в голове мертво, намертво, по полочкам. Навечно.

Вышел, запер дверь. Здание РОВД осталось за спиной. Виктор брел по улицам, раскаленным добела. Он жался к деревьям, перебежал от клочка тени к другому, прятался в этих островках спасительной прохлады.

А потом пришлось проверить себя. Внутренний взор, который раньше упирался в бескрайнее море Силы, теперь наткнулся на сухое, обмелевшее дно. Источник, его гордость, то, чем привык мерить свое превосходство, был не просто пуст — он был искорежен, смят, словно по нему прошлись молотом. Экстренный переход, разорвавший ткань миров, обошелся магу куда дороже, чем он думал. Аш-Шарим заплатил не просто усталостью — самым объемом, самым сосудом магической силы. Теперь маны хватало на пару жи-

деньких низкоуровневых плетений. Жалкий плевок вместо удара грома. А потом — сутки. Почти сутки глухой, ватной пустоты, пока организм будет по капле, с мучительным скрипом выщепивать из пространства, напрочь лишённого магических линий драгоценную энергию.

Мальцев сел прямо на бордюр, наплевав на приличия этого мира, и устроил ревизию своему арсеналу. Та еще проверка: что осталось от мага, когда от него ушла магия? Ровно то же, что от воина, потерявшего меч и руку. Смотрел, перебирал, ощущал горький привкус на языке — выбор оказался до отвратительного мал.

Нет, кое-что, конечно, работало. Поиск ауры — закливание «Путеводная Нить». Очень ценное закливание в его положении. «Малое исцеление» — не божественная регенерация, конечно, но сделать диагностику, царапину затянуть, синяк свести, убрать ломоту в перегруженных ногах. И, наконец, «Подчинение». Вот с ним вышла и вовсе насмешка судьбы. Раньше он им перекраивал реальность, снимал целые пласты памяти, вживлял новые, менял убеждения, как перчатки. Человек был мягкой глиной, из которой Аш-Шарим лепил все, что ему было угодно. Теперь — обрезок, куцая тень былого величия. Подчинение съежилось до одной-единственной функции: он со стопроцентной уверенностью мог понять, лжет ему собеседник или говорит правду. И все. Ни контроля. Ни вмешательства. Ни даже легкого внушения. Просто детектор. Чуткий, да — но не более того.

Стоило прорывать ткань миров, чтобы стать ходячим полиграфом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.